

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ЧУЖАЯ СТРАНА ПРОШЛОГО, ИЛИ ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ ПОМПОНИЙ ЛЭТ И ВЛАДИМИР ЗАБУГИН

Тема реконструирования исторического пространства в интеллектуальных поисках историков прошлого сочетается с проблемой возможностей контакта культур и их взаимного отражения. «Прошлое – чужая страна», в разные века интеллектуалы, историки, гуманитарии, изучая мировую историю выстраивают двойной или тройной образ «другого»: образ прошлого вообще как чужеземья, образ изучаемой чужой земли, страны, народа), а также присваивают или отрицают «чужой» образ истории. В статье раскрываются интеллектуальные биографии двух выдающихся личностей – представителей итальянского Ренессанса и Серебряного века России. Отечественный историк и филолог-итальянист В.Н. Забугин, видный деятель русской эмиграции в Италии, посвятил труд жизни единственному итальянскому гуманисту, посетившему южные области России – Юлию Помпонию Лэту. Воспитанник университета Петербурга стал доцентом университета Рима, того центра знаний, которому в пору Возрождения отдал столько сил и знаний гуманист Помпониус. Тема пространства и его освоения раскрывается в нескольких проекциях в творчестве и Забугина, и Помпонию Лэта – в смысле реального путешествия, но также – что важнее – путешествия ментального, исторической реконструкции.

Ключевые слова: интеллектуальная история, интеллектуальная биография, пространственный поворот, итальянистика, эмиграция, Россия в мире

Нам предстоит рассмотреть интеллектуальные биографии двух ученых разных веков: как бы в зеркальных отражениях и повторяющихся мотивах пространств истории и сфер их деятельности. Из многих проблем изучения истории и истории личности сквозь века здесь будет выделен фактор пространства, не только и не столько факт изменения, перемещения, преодоления пути, но и соотношения «своего» и «чужого» исторического и культурного опыта. И, наверное, нет более болезненной и трудной проблемы в истории и истории науки, чем вопрос принятия, отторжения и усвоения «чужого» опыта, а также возможности понимания и изучения мира других личностей и их общностей, отдаленных от нас исторических миров¹.

Даже в удаленных пространствах истории может поддерживаться особый интеллектуальный диалог двух искателей исторической истины, как видно на примере историка В.Н. Забугина, и его исторического героя, гуманиста Юлию Помпонию Лэта. Сам поиск превращается в процесс трансляции основополагающей для двух ученых идеи гуманитарного образования и религиозного возрождения. Символическая преемственность и общность наследия двух интеллектуалов раскрывалась осо-

¹ См.: Репина 2006; Филиппов 2005.

бенно ярко в буквальном смысле в едином пространстве – и реальном, и символическом, а именно, в Вечном Городе Рима. И тот, и другой ученый обращались к прошлому, разумеется, сквозь призму современности.

Прошлое, воспринимаемое буквально как страна чужих – удачное, емкое и нужное для дальнейшего рассуждения понятие. «Прошлое» – это Другой, чужая страна – тоже образ Иного, отсюда и складывается формула: «прошлое – чужая страна»². Этот двойной образ «другого» выстраивает образ прошлого как чужеземья и как образ изучаемой земли, страны. Историк и филолог, итальянист Владимир Забугин, в своем творчестве соединил оба стремления – не только слиться с совершенно иным природным и социальным ландшафтом, чем тот, в котором он провел детство и юность, но приобщиться на правах наследника к прошлому этой земли, к истокам ее культуры, познать характер и нрав тех, кто закладывал основы Возрождения, определившего развитие культуры Италии и Европы на века. И все это по собственному выбору и воле.

Изучая интеллектуальные биографии русских историков начала бурного XX столетия, времени Великой Войны и революций, просто невозможно не выделить имя Владимира Забугина. Наследник русской культуры Серебряного века и исследователь культуры итальянского Возрождения, интеллектуал, историк и филолог, он стал чужеземцем на родине, но не был эмигрантом поневоле. Это не изгнанный революцией беженец, как многие другие, не осколок Империи, выброшенный на чужой берег, но человек сознательно выбравший Италию в качестве второй родины (еще до начала мирового конфликта), а вместе с тем, избравший и конфессию, новую религиозную идею. При всем восхищении историей и культурой, к которой приобщился молодой интеллектуал на чужбине, в его планы не входило простое усвоение предлагаемых шаблонов и мнений относительно прошлого и настоящего принявшей его страны. Интерпретирование прошлого Италии, собственная концепция культуры Возрождения, происходили одновременно с усвоением новой идентичности, выстраиванием новых собственных границ в новом культурно-историческом пространстве.

Значение такой специфической страты гуманитариев, какой были медиевисты и специалисты в области культуры итальянского Ренессанса, в мировой науке велико, именно эти специалисты по всеобщей истории, являясь интернациональным сообществом интеллектуалов, осуществляли трансляцию гуманитарного знания и обмен идей в области методологии истории. Роль, которую эти ученые играли в системе образования и академической жизни с рубежа XIX–XX вв. и далее, даже в эпоху мировых войн и революций, весьма примечательна³.

² Лоуэнталь 2004.

³ Селунская 2016.

Особенно интересна специфика распространения контактов и мобильности ученых в этот период: перемена мест и полей деятельности, возможности трансляции идей поверх государственных границ, адаптации к новой научной среде, изменения интеллектуального климата, и в России, и в Европе. Основные сюжеты жизни интеллектуальных сообществ первой четверти XX в. находят яркое отражение в биографии ученого, религиозного деятеля и эмигранта В. Забугина. Фактор пространства играл в ней большую роль. Проведя раннюю юность в северной столице, Забугин находился в зоне университетской культуры и в особой научно-педагогической среде, которую представлял собой семинарий И.М. Гревса, настоящая школа общения и воспитания историков и филологов, а затем последовали контакты с итальянскими учеными, стажировка, переросшая в самостоятельную работу, преподавание в Риме и вовлеченность в сферу притяжения духовного центра, единственного в Италии монастыря непрерывной византийской традиции, который располагался здесь же, в Лации⁴.

Владимир Забугин еще из России, а затем, находясь в Италии, пытался представить и интерпретировать культуру Возрождения и саму Италию времени гуманистов целостно, как некоторое единство, какими их, разумеется, не представляли ни первые римские «академики», ни их современники. Италия Ренессанса мыслилась единой в смелых мечтах редких мыслителей, но на протяжении своей истории отличалась полицентризмом, и в этом – одна из главных черт социокультурного и политического развития итальянских земель. Объединение Италии, опыт его переживания, а также систематизирующие труды и представления о культуре Возрождения – это Новое время, то, которое мог бы назвать своим представителем петербургской университетской традиции. Кроме того, как уже отмечалось, одним из основных мотивов исследований Забугина была не просто культура Итальянского Возрождения, но именно биография и творчество другого ученого, интеллектуального светоча прошлого – Помпония Лэта, возможно, единственного деятеля Ренессанса, который посетил территории, составлявшие во времена Забугина часть Российской империи. Таким образом, тема перемены мест, поиск нового – и деталь биографии итальяниста Забугина, и важная составляющая часть наследия гуманиста Помпония Лэта.

Именно в связи с этими обстоятельствами нас особенно интересует интерпретация жизни и творчества Юлия Помпония Лэта, созданная первым и долгое время почти единственным в Европе и России, исследователем наследия гуманиста, В.Н. Забугиным. Деятель итальянского Ренессанса Помпоний Лэт заинтересовал молодого русского исследо-

⁴ Санта-Мария-де-Гроттаферрата (итал. Santa Maria de Grottaferrata), или аббатство святого Нила (итал. Abbazia di San Nilo).

вателя начала XX века прежде всего тем, что сам прикоснулся к прошлому земли, которая была родной для изучающего историю Античности и Возрождения начинающего историка и филолога. Об этом автор исследования написал в пояснении к своей книге, утверждая, что она является именно «уплатой долга благодарности» от лица русской науки по отношению к единственному итальянскому гуманисту, побывавшему в пределах Руси и описавшего картину прошлого этих земель⁵.

В результате совпадения этих особых обстоятельств исследователь итальянского Ренессанса Забугин вполне ощутимо воплощает постмодернистский постулат о неизбежности восприятия текста более древнего и классического происхождения сквозь призму идей более современных авторов. Русский по рождению питомец классической латинской культуры задает для всех последующих ученых особую модель, «оптику» восприятия личности и наследия гуманиста Юлия Помпония Лэта, римского академика XV столетия.

При этом русская редакция трудов Забугина, посвященных Помпонию Лэту, отличается от его же итальяноязычных публикаций по той же проблеме рядом особенностей: русская редакция труда более краткая и представляет собой выборку сюжетов, в т.ч. русская публикация отличается вниманием к теме исторического и географического дискурса итальянского гуманиста, его контакту со Скифией. Забугин не просто проявил «охоту к перемене мест», а стал интеллектуалом двух миров, бесспорным наследником традиций и русской, и итальянской классической культуры. Находясь в достаточно неопределенном статусе в первые годы своей затянувшейся стажировки, в ситуации некоторого интеллектуального пограничья, Забугин, был тем не менее, не маргинальным представителем экзотической культуры, а, в полной мере, посредником между двумя академическими мирами – Российской Империи и Италии: публиковал рецензии на книги русских итальянистов по-итальянски, давал обзоры итальянской академической жизни на русском (в т.ч. в Журнале Министерства народного просвещения). Не удивительно, что и в исследовании по биографии Помпония Забугин выделял тему формирования первых академий и отношений интеллектуальных сообществ с властью. Это было характерной чертой и той крупной публикации на итальянском языке, которой занимался Забугин на протяжении первого десятилетия нового века в Италии, и в той русскоязычной версии исследования, которая существенно отличалась от итальянской, потребовала четкого отбора тем из-за сжатого объема, и вышла в 1914 г. в Петербурге, (еще не успевшем стать Петроградом)⁶.

⁵ Забугин 1914. С. 194.

⁶ В Предисловии к своему русскоязычному труду по теме итальянского Возрождения и наследия Юлия Помпония Лэта сам автор описывал свои исследовательские

Но в русской версии акцент поставлен иначе, пространства, странствия – едва ли не основная тема. Тема исторического пространства, освоения пространств, странствий гуманиста занимает важное место в сжатом, но более точно продуманном труде (самостоятельном по отношению к многотомной итальянской диссертации). Именно к этому труду, который обосновывает важность знакомства для русских соотечественников с наследием итальянского гуманиста, мы и будем обращаться.

Тема пространства и его освоения раскрывается в творчестве Забугина и Помпония в нескольких проекциях. Помпоний интересуется Забугина прежде всего в смысле описания реального путешествия по тем территориям, которые много позже стали частью Российской Империи, но также, что важно, путешествия ментального – исследователя волнует проблема реконструируемого исторического пространства.

Своеобразный исторический нарратив Помпония складывался из комментирования классических сочинений, в лекциях и учебных материалах, в своего рода путешествии по страницам сочинений древних авторов. Точно так же описания, содержащиеся в книге Забугина относительно путешествия в земли скифов и комментарии, сделанные как бы от лица Помпония Лэта – это реконструкция, полная особой поэтики, своеобразное сочинение, а не собственно перевод какого-либо одного готового и цитируемого источника.

Помпоний – превосходный материал для пояснения того, что в историографии принято называть ренессанской биографией. Даже само имя гуманиста служило поводом упрекнуть его в симпатиях к языческой культуре, в приверженности паганизму (вплоть до смены имени и принятия псевдонима)⁷, Однако есть основания утверждать, что Юлий Помпоний Лэт получил такое «римское» и несколько помпезное имя при крещении, В.Н. Забугин сразу же раскрывает эту тему в своем труде⁸. Имелись святые с подобным «классическим» именем в церковном

интересы так: «Объемистый труд, издаваемый в Италии, дает, по мере возможности исчерпывающий анализ источников, по каким возможно судить о жизни и деятельности главы римской Академии и учеников его. Первый том посвящен почти исключительно разбору фактов, из которых слагается запутанная история разгрома первой академии и процессов 1468-69 г., второй исследует сохранившиеся труды и памятники университетского преподавания Лэта... Третий будет посвящен второй Академии...» (там же. С. V-VI). Публикация же на русском языке должна была воплотиться в гораздо меньшем объеме, что предусматривало отбор тем изложения, но также и вместить вновь обнаруженные материалы, касающиеся юридической стороны дела академиков и описания «Скифии».

⁷ Когда круг единомышленников Помпония, первых «академиков» подвергся преследованиям, доносчики утверждали, что они «насмехаясь над Богом и святыми... стыдились своих христианских имен и потому меняли их на «академическая и эпикурейская». Забугин 2014. С. 52.

⁸ Забугин 2014. С. 2-3.

календаре, современном рождению будущего академика. Так, например, в Неаполе, в пору Поздней Античности епископом был некий Помпоний, и такие имена не были исключениями. Соответственно и крестивший младенца священник не имел оснований не нарекать его этим именем. В дальнейшем имя «Помпоний» официально фигурирует в сохранившихся бытовых документах жизни гуманиста, в расписках, в документации связанной с покупкой дома в Риме, куда отправился юный Лэт – все это подробно перечисляет Забугин на самых первых страницах русского издания. В более поздних материалах судебного процесса 1468–1469 г. над приверженцем свободомыслия присутствует уточнение и имени, и статуса: «Помпоний-римлянин»; запрос на арест гуманиста именно в такой форме поступил из папской курии⁹.

Возможно, своеобразие имени вызвано было еще и тем обстоятельством, что Помпоний был *filius naturalis* т.е. не законным сыном и наследником благородного семейства, где имена дедов и прадедов передавались новорожденным мальчикам. Таким побочным детям, как Юлий Помпоний, чаще давались цветистые необычные имена. Он был бастардом, хотя и милостиво принятым в доме своего благородного отца, наследника славного луканского рода. Неудивительно, что, пусть и не брошенный на произвол судьбы, но ощущавший шаткость своего положения в нобильской среде юный Юлий Помпоний счел сомнительной для себя возможность привлекательной карьеры в тех местах, где родился. Вместо воинской службы и занятий, обычных для законных отпрысков местной знати, Юлий Помпоний Лэт увлекся наукой, прежде всего, чтением классиков, гуманитарным образованием, и это пристрастие определило всю его жизнь. После смерти родителя он вскоре покинул дом, опасаясь злобы мачехи – законной супруги своего отца, а также всей ее могущественной родни¹⁰.

Какие же последствия повлекло за собой то, что молодой человек бросил родные места, отказавшись (на каких-то приемлемых условиях и при разумных отступных) от доли отцовского наследства? Сначала жизнь юного беглеца была трудной. Этот решительный шаг, тем не менее, оказался мудрым вдвойне: спустя годы после переселения в Рим, когда гуманист утвердился уже в качестве уважаемого, пусть и не самого богатого гражданина римской коммуны, в статусе профессора и лектора в Вечном городе, знатная южная родня Юлия Помпония ввязалась в конфликт с центральной властью. В результате главный законный наследник рода чудом не погиб в этом противоборстве, а спасся только потому, что, в свой черед, бежал из родных мест и окончил дни бедным изгнанником. В это время тот бедный родственник знатного

⁹ Забугин 2014. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 4-5.

рода, которому суждено было стать сиротой и чужестранцем, достиг прочного положения в Риме, благоденствия и процветания. Такое сравнение судьбы Помпония и его знатной родни имелось в надгробной речи, произнесенной одним из верных учеников, прославлявших гуманиста Помпония Лэта, что особо отмечается в сочинении Забугина¹¹.

Переселение в Рим не означало полного разрыва с малой родиной, Помпоний поддерживал связь с неаполитанскими гуманистами и интересовался древностями юга, причем не только классическими, античными, но и средневековыми¹². Увековечено и окружено вниманием имя гуманиста было и благодаря созданию, согласно духу эпохи, вольных собраний ученых-гуманистов, которые назывались академиями. Такое интеллектуальное братство возникло в Риме, а во главе его встал Помпоний. Ученики и последователи появились и благодаря его живой манере читать лекции и комментировать классических авторов в Римской Сапиенце, и готовности давать увлекательные частные уроки любознательным юношам. И академия, и преподавательская карьера, в определенный момент навлекли наветы и подозрения на гуманиста, что могло окончиться самым печальным образом. Но буря миновала, и Помпоний оставался, к вящей славе Сапиенцы, ее профессором почти тридцать лет. Стал в свое время преподавателем университета Рима и биограф Помпония Лэта, русский ученый В.Н. Забугин.

Помпоний был главой объединения интеллектуалов Рима, которое, хотя и отличалось большим свободомыслием, первоначально имело высоких покровителей. Затем в 1468 г., за те же вольнолюбивые идеи Помпоний был обвинен в самых серьезных проступках: в свободомыслии, пороках и непослушании церкви, даже в покушении на папу римского¹³. Пункты обвинения «академического дела» Ренессанса, процесс 1468-69 г., фигурантами которого были именитые интеллектуалы того времени, и их стратегии защиты дают много интересного материала для реконструкции ренессансной биографии и понимания специфики ренессансного частного и публичного пространства. Здесь также у Забугина ярко обозначена тема пространства *sensu stricto*, т.е. перемены в судьбе гуманиста четко связываются с передвижениями, переселениями, вехи интеллектуальной биографии маркируются определенными местами и краями. Эти перемещения гуманиста по Италии и последствия его странствий интересны и нам, читателям, и, видимо, самому Забугину, подверженному той же судьбе странника. Но еще

¹¹ Забугин 1914. С. 6-7.

¹² Там же. С. 12-13. Однако в Римском архиве в документе, составленном в 1479 г. Юлий Помпоний назван гражданином и жителем Рима (с. 13, nota 59).

¹³ Обвинения касались того, что академики «ели мясо Великим постом, по пятницам и субботам, никогда не ходили к обедне, говорили, что Св. Франциск был ханжей, издевались над другими святыми». Там же. С. 51-52.

более интересны исследователю приметы путешествия Помпония по Скифии и Сарматии, а также описания этих земель (полуфантастические, опирающиеся не только на личный опыт, но на достаточно фантазийную традицию упоминания этих мест у классических авторов).

История с географией в личном опыте Помпония развивалась так: уже освоившийся в Риме уроженец юга, но не получивший твердого достатка в Вечном городе, решил отправиться дальше на север и восток италийских земель, где находилась Светлейшая Республика Венеция, Серениссима, которая со стороны казалась ему оплотом свободолюбия и учености. Поначалу дела шли хорошо, Помпоний свел знакомства с лучшими венецианскими семействами, был принят в их домах, получил выгодные частные уроки. Гуманист оставил первоначальный план греческого путешествия и наслаждался тем, как прекрасна Серениссима, и как благоволят здесь к нему фортуна. На освоение этого нового пространства со своими законами и обычаями ушло более двух лет.

Затем, в Венецию стали приходиться письма от друга, свидетельствующие о том, что в Риме бушует буря папского гнева против круга гуманистов. Это изумило Помпония, ведь он до определенного времени был уверен, что ничем не обидел папский двор и могущественных кардиналов, ничем не заслужил опалу, следовательно, и опасаться нечего. Как пишет Забугин в третьей части своей русской книги о Помпонии: «Гуманист, все-таки, еще не представлял себе всей серьезности положения, и “в сердцах” ответил своему корреспонденту, что он-де в свободной стране, дружит со знатью, и что “венецианцы терпеть не могут попов”»¹⁴. Этот злой отзыв скрыть не удалось и такие слова гуманиста, разумеется, были на руку его обвинителям. Теперь даже и свободолюбие Светлейшей республики не спасет ученого от гнева папской курии.

Далее исследователь передает историю злключения Помпония так: «Пока шла эта переписка, и пока Помпоний был во власти злобы, Павел II отправил в Венецию брeve, прося выдать римскому правительству Помпония-римлянина». Вместе с брeve папы «Совету Десяти было прочитано письмо венецианского посла при Св. Престоле Петра Морозини, находившегося в Риме». Забугин указывает, что «Морозини поддерживал просьбу папы, и что сам Павел II, кроме брeve, послал письмо (обвинявшее Помпония в порочной жизни). Когда Совету Десяти было доложено об этом деле, Помпоний оказался в тюрьме Св. Марка. Забугин указывает, что «венецианское правительство» вело свое расследование на основании отобранных у гуманиста записей и «непристойной» книги, писанной его собственной рукой»¹⁵. Далее декорации меняются очень быстро: Помпоний – арестант, которому грозит не одно рассле-

¹⁴ Там же. С. 36. См. также ссылки № 59-61.

¹⁵ Там же. С. 36-41.

дование, а целый ряд обвинений, причем Светлейшая Республика, вместо «ненависти к попам» демонстрирует подозрительность и беспощадность в отношении гуманиста. Обвинения, выдвинутые от имени венецианской республики против ученого, прожившего в Венеции уже около трех лет, представляли собой опасность большую, чем та, которая исходила из Рима, поэтому, оказавшись во власти папского дознания оказалось меньшим злом. Арестованного морским путем отправили в Папскую область, через Анкону. Помпоний следует в Рим под стражей (при этом на этапирование отпустили достаточно значимые деньги, а сопровождал обвиняемого человек из числа сочувствующих гуманистам и академии – тот добросовестно выполнил приказ, но не причинил зла арестанту). И вот Помпоний снова в Вечном городе, но не в Сапиенце, не в кругу знатоков классических текстов, а в страшном, неприступном замке Св. Ангела (бывшем античном *Mausoleum Hadriani*, хотя вряд ли несчастный размышлял в тот момент о судьбах наследия Поздней Античности). Далее в монографии Забугина снова голос исследователя начала XX века накладывается на голос из более отдаленного прошлого. В книге вообще часто прямой речью цитируется Помпоний, при этом мы имеем дело с пространством исторического действия, которое сложным образом реконструируется Забугиным: «Сам будущий библиотекарь Сикста IV очень картинно описывает допрос и пытку, сводившуюся, к вздергиванию на веревке¹⁶. Допросы и пытки продолжаются долго; наконец, обвинения в заговоре против папы снимаются. Изнуренного подследственного отпускают даже с некоторой денежной компенсацией, освобожденный получает в награду и положение, о котором давно мечтал: он «к общему удовольствию получил место в римской Сапиенце, и сохранил его около двадцати восьми лет».

Дороги снова и снова приводят Помпония в Рим. После долгих и драматических испытаний гуманист был оправдан и вернул себе папскую милость (вместе с выплатой давно задерживаемого профессорского жалования университета Сапиенца). В этом университете он прочтет множество лекций, в которых история будет переплетаться с географией и топонимикой – как их понимали в век Возрождения, он напишет сочинения, в которых пространства предстают главным актором.

Если историю жизни академика Помпония рассматривать сквозь призму пространственных характеристик, то названы должны быть не только Неаполь, Венеция, Рим, но и те воссозданные миры, которые касаются больше воображения и эрудиции ученого эпохи Кватроченто, комментирования классиков, чем его реальных поездок из Италии за Альпы. Со своей стороны, Владимир Забугин, исследователь интеллек-

¹⁶ «палачи готовятся к делу и приводят в порядок свои орудия. Меня раздевают, истязают и мучают, как разбойника с большой дороги». Там же. С. 44.

туальной биографии Юлия Помпония Лэта, прочерчивает сквозь время контуры пространств и миров, которые осмыслил герой его научных трудов. В этом двойном ментальном усилии – гуманиста XV столетия и ученого XX века – раскрываются миры воображаемой Скифии и Сарматии, притом в реальных землях, которые так именовались. Помпоний мог быть там только раз в 1479-80 г., и Забугин предполагает, что его герой, покинув Италию проделал путь от Польши до Черного моря¹⁷. Очень многое и в заметках Помпония Лэта, и в реконструкции Забугина опирается на обширную классическую традицию, и оба комментируют эту традицию с указанием ошибок и поправок. «Данные о том, где собственно был глава Академии, очень скудны; зато его сведения о Скифии и Сарматии обильно вознаграждают нас»¹⁸, – указывает своему русскому читателю Забугин, и в этом нет никакого противоречия.

Скифия и Сарматия с их природным и социальным ландшафтом, даже описания Помпонием животного мира, в том виде, как они присутствуют в монографии Забугина, – часть целостной утопии или социального памфлета, в котором переплетены сведения античных авторов и их стереотипы, представления гуманиста Кватроченто и взгляд историка и филолога, эрудита начала XX столетия. «Скифия огромная страна, обнимавшая в древности значительную часть Германии, находящуюся за рекой Альбой. Сарматия начинается от Одры и тянется до Борисфена... Собственно сарматами теперь являются литовцы и поляки, хотя в Сарматии и живут скифы, но зовут их часто по ошибке вандалами, так как они служили под началом вандальских полководцев. В пределах Сарматии говорят на семи разных языках, из которых наиболее распространен скифский, именуемый русским, а наименее леттонский...» Особо отмечается, что «земля летом обращается в грязь, а зимой промерзает; если бы после таяния снегов не шли дожди, семена бы там не произрастали... Скифские повозки не имеют колес; даже лошади не могут быть подкованы... такая повозка называется сани, она изящна и служит также для поездок по льду»¹⁹. Здесь отчетливо проступают образы «грязи» и «льда», те метафоры описания варварских земель, которые доживают до современной культуры мемов. Однако гуманист Помпоний несколько поправляет поэта античности: «неправда, будто вино замерзает, тут Вергилий преувеличивает». Забугин отмечает, что богатые сведения Помпония и его современников о флоре и фауне базируются на знаниях античности, здесь перемешиваются реальные и мифические звери и птицы, в частности гуманист говорил о белых медведях, белых лисицах и белых воронах, а в упоминании Пом-

¹⁷ Там же. С. 71, 74.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 77-78, 84.

пония о «змеиных зубах, по виду вроде слоновьих клыков» Забугин видит указание на находки бивней мамонтов²⁰.

Наиболее пространны описания бобров. Забугин считает этот рассказ важным. Но это так не только потому, что рассказ о бобрах подробен и представлен в трех редакциях: в лекциях по Вергилию и двух разных курсах и комментариях. Данный экскурс Помпония – некое подобие утопии, разбор почти социальной иерархии, которая царит в животном мире. Не так важно, идет ли речь о воображаемой иерархии или реально подмеченных моментах доминирования. «У бобров три породы: крестьяне, знатные и властелины: они отличаются по цвету меха... у крестьян обыкновенно спина без волос и уши ободраны, их рыжий мех очень дешев. Знать чёрно-бурого цвета; этот мех ценен. “Властелины”, которых редко ловят, совсем черные... Если властелин попадает в руки охотников, то народ впадает в печаль и выражает ее походкой и обличем». Такие властелины показываются только в сопровождении подданных, целого стада, и они же распределяют собранные по их приказу трудом крестьян запасы. Техника сбора запасов в бобровом царстве описывается разным образом в лекциях по Варрону и в комментариях к Георгикам, а также указывается, что животное это «умно и чистоплотно, и чем благороднее, тем благовоспитаннее»²¹. Завершается экскурс в бобровый мир пассажем о том, что скифы считают лакомством бобровый хвост, и на него смотрят как на постное блюдо.

Так совершается переход от описания животного мира и мира птиц к описанию населения, нравов и обычаев местных обитателей, при всем внимании к которым, первым делом, Забугин указывает, что гуманист, явно «отделяет Скифию от Сарматии, т.е. Русь от Польши»²². Подчеркивается Забугиным и то, что Помпоний концентрирует внимание на описании Скифии. Весьма важно для конструирования скифского пространства (по Забугину, интерпретирующему гуманиста) было то, что путешественник попал сюда, на славянский восток именно в период последних свидетельств власти Орды, уже ослабленных, почти изжитых. В результате, в лекциях и комментариях к Вергилию рождается удивительная формула скифской свободы: «Скифы свободны, и Императоры их называются Императорами свободы»²³.

Таким, по Забугину, было описание Скифии, которое «можно извлечь из отрывков, разбросанных по лекциям Помпония»²⁴. Своеобразие «заметок» Помпония (это слово отмечено кавычками в монографии

²⁰ Там же. С. 91-92.

²¹ Там же. С. 94-95.

²² Там же. С. 97.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ Там же. С. 85.

1914 г.), заставляет Забугина задуматься, насколько фрагментарность и избирательность являются следствием неполноты опыта путешественника и насколько зависят от стилистических особенностей построения текста. Забугину были известны и другие примеры реконструирования пространств Помпонием, но без личного непосредственного опыта, который играл значимую роль в описании Скифии²⁵. Для исследователя между этими ментальными опытами была существенная разница.

Образ Скифии Помпония – это, по выражению Забугина, то, что можно «извлечь из известных ныне рукописей и печатных комментариев». Синтетический образ реконструируется по фрагментам сложной техникой, ключевые слова здесь комментариев и фрагмент. При этом у возникающего текста, описывающего пространство, несколько авторов, начиная от писателей времен римской античности и заканчивая русским ученым XX века, который завершает цикл превращений и переработок, точнее – не завершает, а дает нам возможность продолжить эту цепь построений и отражений дальше.

Свою роль и задачи по отношению к наследию гуманиста Забугин видел двояко: реконструкция мира первых академий, изучение трудов Помпония и представителей его школы служит для понимания «духа эпохи и психологии гуманистического движения». Вместе с тем эта вовлеченность в опыт жизни и мысли гуманиста Кватроченто передавала стремление «практически осветить пользу выбора русскими работниками на почве всеобщей истории тем, могущих двинуть вперед знание прошлых судеб их родины»²⁶. Обе цели были связаны с попыткой увидеть целостное культурно-историческое пространство – Италии Возрождения или же России в истории, через кристалл частного и фрагментарного исследовательского опыта. Такие задачи связаны также с реконструированием идеи культурного ареала, с изучением истории пространства. Поэтому и опыт взаимодействия одного из последних историков, сформированных академической культурой Российской империи, с наследием римского академика Кватроченто требует изучения через категории культуры, истории пространств и интеллектуальной истории. Здесь имеется в виду не история пространства в техническом смысле – в смысле воссоздания картины передвижений гуманиста и его сотоварищей по Италии или вне Италии. Эта работа призвана обозначить тему пространственной истории в контексте интеллектуальной биографии и истории ментальностей, проблему фрагмента и целостности, тему диалога культур.

²⁵ «Есть еще кое-какие заметки, касающиеся далеких стран Азии, деревьев Индии... Но это уже чисто книжные, античные сведения, которые наш гуманист почерпнул у себя дома...». Забугин 2014. С. 101.

²⁶ Забугин 2014. С. 194.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. СПб.1914.
 Лоуэнталь Д. Прошлое - чужая страна. М. 2004
 Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5-18.
 Селунская Н. А. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 62-90.
 Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в контексте коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 96-120.

REFERENCES

- Filippov A.F. Konstruirovaniye proshlogo v kontekste kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda // Fenomen proshlogo / Отв. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletayev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. S. 96-120.
 Lowental D. Proshloe - chuzhaya strana. M., 2004.
 Repina L.P. Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug, 2006. S. 5-18.
 Selunskaya N. A. «Svoja» i «chuzhaja» istoriya: istoriki-medievisty mezhdru mirovymi voynami i social'nymi potrjaseniyami // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 62-90.
 Zabughin V. Julyiy Pomponii Let. SPb.1914.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

Alien country of the past, or history with geography Pomponius Let and Vladimir Zabugin

The theme of reconstructing historical space in the intellectual search for historians of the past is combined with the problem of the possibilities of cultural contact and their mutual reflection. "The past is a foreign country", in different centuries, intellectuals, historians, humanities, studying world history, build a double or triple image of the "other": the image of the past in general as a foreign country, the image of the studied foreign land, country, people), and also appropriate or deny the "alien" image of history. The article reveals the intellectual biographies of two prominent personalities - representatives of the Italian Renaissance and the Silver Age of Russia. Historian and philologist V.N. Zabugin, a prominent figure in Russian emigration to Italy, devoted his life to the only Italian humanist who visited the southern regions of Russia - Julius Pomponius Let. A graduate of the University of St. Petersburg became an assistant professor at the University of Rome, the center of knowledge to which the humanist Pomponius gave so much strength and knowledge during the Renaissance. The theme of space and its development is revealed in several projections in the works of both Zabugin and Pomponius Let – in the sense of a real journey, but also – more importantly – a journey of mental, historical reconstruction.

Keywords: intellectual history, intellectual biography, spatial turn, Italian studies, emigration, Russia in the world

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com